

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Солнце Миров

Укажи на мои недостатки: на то, что пью много, на ноги, на мою застенчивость. Не забудь о животных повадках и о самом страшном из качеств — доверчивость. Сердце моё истыкай пальцем, грязным ногтем, залезь под кожу, чтобы сделать мне больно, нужно стараться. Я верю, детка, ты сможешь.

И. Пинженин.

А может все еще можно забыть? Забыть и повторить то, что когда-то было счастьем. Или хотя бы называлось «счастьем».

Я иду по улице. По асфальту, который медленно засыпает мелкий снег. Иду, не разбирая пути, хотя смотрю прямо себе под ноги. Негромкий девичий смех заставляет меня вскинуть голову. Чуть напрягаю зрение и вижу влюбленную парочку, стоящую под фонарем. Почему под фонарем? Ведь целоваться удобнее в темноте.

Парень наклоняется к своей любимой, и... Виски пронзает приступ внезапной боли, а по сердцу, сгоревшему вчера вечером, хлещет крапива. Я сжимаюсь от жалости к себе. Это проклятое чувство зарождается где-то за ушами и доползает до замерзших яиц, заполняя собой все нутро.

Девушка бросает быстрый взгляд, что-то шепчет своему кавалеру, и тот смотрит на меня со смесью угрозы и предупреждения. Ох, дружище, как знакомо твое чувство. Когда-то я также смотрел на тех, кто лишь посмел глянуть на мою любимую.

А я не могу сдвинуться с места. Я прирос ботинками к этому чертову асфальту, врос в него до самой магмы Земли. Но что еще хуже: я не могу отвести взгляда от влюбленной парочки под желтым фонарем.

Внутри зреет вулкан. Вот-вот и он вырвется наружу. Сметет все и всех: эту улицу, этот дурацкий фонарь и этих наглых сопляков, нахально лижущихся у меня перед глазами.

Парень обнимает девушку за плечи и уводит ее. От греха подальше, не иначе. Они так и уходят, а девчушка бросает в мою сторону осторожные взгляды.

Чувствую, что отпускает. Вцепившаяся когтями в сердце черная злоба, уходит, оставляя за собой тягучий густой след небытия.

Я не живу. Мало того, даже не существую. Меня нет, потому что мир сдох вчера вечером. Когда моя жена сказала, что уходит к моему брату.

Я не помню, что кричал тогда. По-моему, даже ударил эту тварь. Очнулся, услышав, как клацнул за ее спиной английский дверной замок, оставляя меня в одиночестве.

Зигзаги судьбы. Проклятая жизнь делает крутые повороты, как машина на горном серпантине. То, что еще вчера казалось незыблемым, сегодня покрывается прахом. Становится тленом, как мертвое тело, сгрызаемое червями.

Помню, как, не чувствуя вкуса, залил в желудок бутылку водки и рухнул прямо на ковре в гостиной. Раскинул руки и уперся глазами в люстру на потолке. По ободранным стенам скользил отсвет фар от проезжающих машин. Мы хотели сделать ремонт и сняли старые обои. Мои дела немного пошли в гору.

— Ты хотела зеленые, но я уговорил тебя на синие, — сказал я каркающим голосом.

Меня внутренне штормит, как во время качки. Чувства прокачиваются широкой гаммой эмоций: от «вернуть, забыть и простить» до «пошла вон, дрянь!»

Водка согрела нутро и расцветила комнату мрачными красками. Я закрыл глаза и сразу расхотел жить. Недаром я никогда не верил в Бога. Его нет. Если бы Он был, я бы тогда умер. Просто и незатейливо. Тихо и спокойно.

Пьяная дрема окутала мозги и опустила на глаза грязным ватным одеялом. Уснуть и проснуться в другом мире: там, где нет предателей, втыкающих отточенный кинжал в твою расслабленную спину. Уснуть и забыть десять лет, проведенных, как в глупом счастливом сне. Уснуть и не просыпаться вовсе.

Она пришла туда, куда ее не звали: в мой пьяный сон. С загадочной улыбкой расстегнула роскошный шелковый халат, который я подарил ей на какой-то очередной праздник, и подошла вплотную, обволакивая тяжелым ароматом «Опиума». Эротические сны я видел только в далекой юности. А тут схватил бесстыжую за талию, рывком усадил на колени и впился жестоким жгучим поцелуем в дерзко манящую грудь.

Я драл ее жестко: так, как не трахал никогда. Глядя глаза в глаза, обмениваясь дыханием и влагой с ее горячим телом. На пике болезненного наслаждения неожиданно проснулся. Еще не отойдя от дикой скачки, оглядел пустую комнату и окончательно понял: я один.

Вот с этой самой минуты и до конца своих тусклых дней.к себе. Я смотрю в его лицо, как в зеркало. — Не надо, — говорит он. — Держи удар, как учил нас отец. Ты же мужик.

Вовремя ты напомнил мне об этом, брат. Ох, как вовремя.

— Убирайтесь оба, — шиплю я сквозь стиснутые зубы. — Вон!

И они уходят. Он уводит ее, она держит на локте норковую шубу. Брат выходит первым, она оборачивается напоследок.

— Если хочешь знать, — почему я никогда раньше не замечал, какой у нее противный голос, — я всегда хотела попробовать с вами обоими. Это было бы... забавно.

Закатывает глазки к потолку и усмежается томной улыбкой. Дверь закрывается, отрезая очередной ломоть жизни. А я подхожу к окну, протираю стекло разбитой рукой, вижу их, выходящих из подъезда, и думаю... Девятый этаж... Если выйти в окно, есть шанс разбиться насмерть. Хороший такой, железобетонный шанс. Расплющиться лепешкой на асфальте и забыть обо всем. Коровьему дерьму, в которое превратится мое тело после удара, не бывает больно. Ему плевать, что по нему топчут сапогами и плюются.

Но вместо этого последним усилием воли рву к шкафу. Лихорадочно роюсь на полочках и ищу одну занятую вещицу. Я купил ее в Голландии, в секс-шопе. Разнообразить семейную, мать ее, жизнь. Есть! Нашел! Мягкие наручники с меховой оплеткой по краям.

Так-так-так... Занять мысли, чтобы взгляд не возвращался к окну, за которым идет приятный мелкий снег. Снег, в котором хочется утонуть навсегда.

Сотовый телефон. Набрать номер друга и выкрикнуть:

— Не спрашивай ни о чем. Просто приходи завтра утром. Дверь будет открыта.

Замок наручников щелкает, приковывая меня к батарее. Я отбрасываю ключ безо всякой надежды дотянуться до него. Если друг не придет, я рискую сдохнуть от голода. Откидываюсь затылком к ребристой поверхности батареи и закрываю глаза.

Уснуть бы, но как назло не спится. Как назло жажда вползает внутрь и царапает гортань. Сглатываю тягучую слюну и забиваю голову дурацкими мыслями. Почему у нас нет детей? Она сделала два аборта. Почему я не настоял на родах? Почему... Сплошные «почему». Одни ответы, но к ним нет вопросов. Потому что сначала хотели пожить для себя, потом поменять квартиру на побольше, потом проблемы с бизнесом: «давай подождем, милый, я еще так

молода».

Пить хочется все больше. Вдобавок захотелось помочиться. Но с этим проще: отключаю стопор в мозгах, и джинсы промокают темным, резко пахнущим пятном. Запах аммиака бьет в ноздри. Морщусь от отвращения и жалости к себе.

А ночь такая длинная. И я говорю... говорю с той, которая так хотела «попробовать нас обоих». Бью по ее наглой роже, плачу и признаюсь в любви.

В тревожном забытьи встречаю голос друга:

— Блин-н-н... , Васька, охренел, что ли?

Он бросается ко мне, неловко переворачивает, и я вскрикиваю от боли в затекших мышцах.

— Ключи где?! — рявкает он.

Мотаю головой по направлению к коридору. Друг матерится сквозь зубы, но бежит к выходу. Опускается на колени и внимательно рассматривает пол. Он очень близорук — мой друг. Но не носит очки и поэтому не водит машину.

— Есть, — слышу я его довольный голос.

Через пару секунд замок щелкает и освобождает меня из плена. Все еще ругаясь, Виктор тащит меня в ванную.

А потом мы сидим на кухне, и я пью обжигающий кофе.

— Что случилось? — спрашивает друг.

Поднимаю на него взгляд. Взгляд побитой собаки.

— Бросила? — спрашивает-утверждает он.

Мне остается только кивнуть.

— Так и знал.

Мой друг — психолог. Смешная профессия, но сейчас мне не до смеха. Я готов принять любую помощь. Он поднимается с табуретки, подходит к окну и начинает говорить... :

— Мужчины и женщины... Мужчины живут разумом, женщины живут эмоциями. Как бабочки. Это не хорошо и не плохо, это просто есть. Пока ты даешь своей женщине эмоции, она будет с тобой. Перестанешь их давать, она пойдет на сторону. Это тебе кажется, что десять лет совместной жизни вас к чему-то обязывают. А ей мало. Ей нужны эмоции.

— Какие? — спрашиваю я. — Какие эмоции после десяти лет брака?

Друг ухмыляется и пожимает плечами:

— Ну, мало ли... Был в моей практике случай один — там мордобитие раз в неделю, как по расписанию. И нормально, всем нравилось.

— Мне надо было ее бить? — я честно удивлен.

— Не обязательно, — отвечает друг. — У каждого по-разному. Но прошивка у всех одна. Нет эмоций — нет брака. Скажи, когда тебе последний раз делали минет?

Я откашливаюсь, потому что кофе встал в горле комом. На перекурах на работе я, конечно, хвастался, как мне отсосали ночью, но... В последний раз я чувствовал ее губы лет шесть назад.

— Вот видишь, — все-таки мой друг психолог, — уже тогда прозвенел звонок. Да, даже и не звонок. Колокол. Набат. Тебя сливают, дружище! Та-дамс.

Я не все понимаю, но чувствую, что где-то он прав. А безжалостный голос от окна продолжает говорить:

— Вспомни, как ты пришел ко мне пять лет назад. Со своей блондинкой.

Меня передергивает от воспоминаний. Тогда был день рождения фирмы. Я сказал

приветственную речь и вышел покурить на воздух. Она работала у меня секретаршей.

Подошла, расстегнула джинсы так шустро, что я даже не успел очухаться, и припала горячим влажным ртом. Я даже чихнуть не успел, как кончил. Чистейший рефлекс!

Вот только домой потом я полз почти на коленях. И на ближайший праздник купил жене ту самую долбанную норковую шубу.

— Ты помнишь, как ее звали-то? — жалостливо спрашивает друг.

Настя ее звали. Я попросил написать «по собственному». Через неделю ее в фирме уже не было, и я вздохнул с облегчением.

— Вот в этом вся и разница, — резюмирует друг. — Ты изменил физически и забыл это, как страшный сон. А женщины... Женщины сначала изменяют в мозгах. Строят теории, проводят связи. Физическая измена для женщины — это самая, самая последняя ступень. Даже не изменяя телом, она может тебе изменить. В мозгах. Так что, дружище, тебя слили давно. Еще лет шесть назад.

— Но почему? Чего ей не хватало?

Друг пожимает плечами:

— Этого никто не знает. По-моему, даже сами женщины. Если бы кто-то нашел ответ на этот вопрос, все стали бы счастливыми в один миг.

От него тоже ушла жена. К его пациенту. Которого в свою очередь также бросила любимая. Мы молчим несколько секунд. Каждый в своих думах. Братство брошенных мужиков, как сообщество анонимных алкоголиков.

— Что думаешь делать? — спрашивает психолог.

— Не знаю. Забью на дела, хочу подумать. Разобраться в этой гребаной жизни.

Друг качает головой:

— Плохая идея. Нет, сегодня отдохни. Выпей валерьянки и завались спать. Главное — не бухай, а то я могу и не успеть в следующий раз.

Честно говоря, именно этим я и собирался заняться. Насинячиться до поросычьего визга и упасть в постель. Но спокойный Витькин голос продолжает говорить:

— Я знаю, чего тебе сейчас хочется. Напиться, залезть под плинтус и зализывать там раны. Это кажется самым простым, но ведет в никуда. Вместо того, чтобы остановить кровь, ты разлижешь сердце до инфаркта. Завтра иди в офис. И улыбайся там. Даже если тебе кажется, что кожа на лице вот-вот треснет, улыбайся. Всем: секретаршам, бухгалтерам, уборщицам. А еще лучше — вызови проститутку. Пусть сосет тебе, как пылесос, пока ты смотришь телевизор.

Я ухмыляюсь. Нет, этот вариант не для меня. Я слишком брезглив. Не считая той блондинки, взявшей меня неожиданно и нахрапом, никогда даже не смотрел на других женщин. Моя всегда была лучше.

— Поехали, порыбчим в субботу, — предлагает Виктор.

Я — не рыбак, но тут вдруг захотелось застыть с удочкой на льду и забыть обо всем. Благодарно киваю в ответ, а друг уже накидывает в прихожей куртку.

— Запомни, — говорит он напоследок, — не синячить! Ложись спать. Я заеду вечером. Ужин тебе приготовлю.

Я решаю его послушаться и просто падаю на не разобранный постель.

Когда в окна осиротевшей квартиры уже опускается вечер, тишину разрывает телефонный звонок.

— Васенька, — журчит в динамике ненавистный голос, — не забывай, что машина приобретена в браке. Моя — половина. Когда делить будем?

— Да ты же ни дня со мной не работала. Какая половина?

— Ну и что? — голосок на проводе удивляется. — Я и не должна работать. Ты радуйся, что я с тобой десять лет прожила, хотя могла уже сто раз уйти. Было к кому.

Нажимаю отбой, потому что мне не хватает сил на разговор. Потому что в глупой моей башке взрывается атомная бомба. Она выжигает мысли и чувства. Каким же идиотом я был все это время?!

Придется продавать джип. Как ни крути, но она права. И за ее спиной — мощная защита: мой единокровный братец. Юрист по бракоразводным процессам. Какова ирония судьбы! Еще лет семь назад он обронил фразу:

— Если вдруг понадобятся мои услуги — обращайся.

Обращайся, твою мать. Но нет! Моего железного коня она не получит ни при каком раскладе. Хватаю с полки ключи и документы на машину. Закрываю за собой дверь. Стараюсь делать все быстро, пока не передумал.

Джип приветливо мигает сигналкой навстречу и успокаивающе урчит мотором. «Прощай, мой верный друг», — думаю я под тихий скрип снега под колесами.

Мы едем с ним по длинной-длинной трассе. Мотор послушно набирает обороты, и стрелка спидометра упрямо ползет за сто двадцать. Я мчу к заколдованному месту, где каждые две недели на дорожном столбе появляется новый поминальный веночек. Не знаю, что будет со мной, но надеюсь на удачу и свою машину.

Я подъезжаю к «перекрестку смерти» тогда, когда спидометр показывает сто семьдесят. Выворачиваю руль и направляю нос джипа в бетонное ограждение дороги. Рефлекторно сбрасываю скорость и не чувствую удара. Последнее, что я вижу — это взорвавшаяся подушка безопасности и осколки лобового стекла, летящие мне в глаза.

Как странно. Почему ничего не болит? Почему темно? Я ослеп от удара?

Не чувствую ни рук, ни ног. Влажная темнота вокруг удивительно... безопасна и спокойна. Наверное, так чувствуешь себя в материнской утробе.

Хочу спросить: «Есть кто живой?», но вдруг понимаю, что у меня... нет рта. И спрашивать нечем. Где-то на задворках сознания колыхнется мысль, что и некого. Вокруг ни души, я один. Но мне почему-то не страшно. Отчего-то я уверен, что меня есть, кому защитить.

Словно сквозь ватное одеяло доносится голос. Я не слышу его, потому что ушей у меня тоже нет. Я его ЧУВСТВУЮ. Это такой... родной и ненавистный голос. Так говорит мой брат:

— Если ребенок родится в течение трехсот дней после развода, он будет считаться ребенком твоего мужа.

Ему отвечает слегка запыхавшийся журчащий голосок:

— Знаю, дорогой. Ты же мне в этом поможешь? Даже если Васенька потребует ДНК-анализ, что он сможет доказать?

Братец смеется:

— Мы с ним — однойцевые. ДНК покажет то, что он может быть отцом ребенка с таким же успехом, как и я. Стопроцентной гарантии все равно никто не даст.

Они молчат. А я за это время пытаюсь понять, что происходит.

— Дорогой, — опять раздается ее голос, — ты же все продумал? Ребенок точно станет

наследником? Не хотелось бы потерять фирму. Хотя и небольшая, но вкусенькая.

— Конечно, — успокаивает ее брат. — Черт, сейчас сам жалею, что десять лет назад дал Ваське совет, как обезопасить активы. Тот проклятый брачный контракт не давал тебе никаких шансов. Но ребенок наследует состояние в любом случае.

— Ты такой умный, — восхищается пока еще моя жена. — Умный и классный. А что мы будем делать с Васенькой? Не хочется, чтобы он сильно мучился. Все-таки я с ним десять лет прожила.

— Не волнуйся. Я уже все придумал. Он обожает свою машину и обслуживает ее строго в одной мастерской. Это дело времени и... денег. Езда на больших скоростях очень опасна. Спи, куколка.

Меня обволакивает тишина. Тишина и покой. Странная умиротворенность вползает в душу и баюкает мозги, заставляя отключиться от мира. Того странного мира, в который я неожиданно попал. Мне хочется спать. Долго и крепко. Все, что было до аварии, постепенно стирается из памяти. Я все забываю и засыпаю. На долгих девять месяцев.

Меня выталкивает наружу какой-то силой. А я сопротивляюсь, потому что боюсь покидать ставшее привычным убежищем. Слышу, как кричит какая-то женщина. Чувствую, как схватки пытаются выбросить меня из укрытия. Не имея сил сопротивляться, я плыву, помогая себе руками, по узкому, темному и влажному тоннелю к выходу. За которым виден яркий свет. Он манит к себе все сильнее и сильнее. И мне уже кажется, что я ничего не хочу так сильно, как оказаться там — в круге завораживающего света.

— Есть! — выкрикивает чей-то торжествующий голос. — Поздравляю, мамочка, у вас сын. Я вываливаюсь в чьи-то огромные мягкие руки, чувствую легкий шлепок и открываю рот. Легкие наполняются воздухом, и я кричу.

— Какой горластый. — с умилением говорит та, которая держит меня на руках. — Какой сильный мальчонка. Весь в папочку. Жаль, что тот погиб так рано и не успел увидеть сыночка. Я открываю глаза и пытаюсь прогнать мутное марево. Не получается, все выглядит размытым, как на старой испорченной киноплёнке. Но я вижу женщину с раскинутыми ногами. Не знаю, кто она, но понимаю, что это самый родной мне человек.

Дверь распахивается, и я слышу мужской голос:

— Поздравляю Вас, Светлана Игоревна. Наследник компании «Солнце Миров» появился на свет. Вы становитесь его официальным представителем.

Мне знаком этот голос. Я слышал его, когда бултыхался в темноте. Он обещал мне скорую смерть. Мне, прежнему.

Я понимаю, что вот-вот опять все забуду и стану обычным ребенком. Но в одном уверен: я устрою моим родителям «райскую» жизнь.